

В МАТВЕЕВОМ КУРГАНЕ, его окрестностях много памятников, в которых увековечены подвиги советских солдат в битвах на Миусе. Впечатляющий мемориал в райцентре. «Морской якорь», возвысившийся над Волковой горой. «Регулировщица», встречающая каждого гостя вблизи поселка взмахом каменного флажка, знаменитый танк «Т-34», застывший на постаменте перед дорогой... В каждом селе еще обелиски... Большие и малые, они воздвигнуты из бетона, железа, камня, мрамора. Благодарные своим освободителям, труженики района не жалели на их строительство ни сил, ни средств.

Но есть неподалеку от Матвеева Кургана памятник, на который не затрачено ни копейки. Он среди поля в старой заброшенной каменоломне, близ Рясного, где в сорок втором оборонялись автоматчики 1137 стрелкового полка 339 стрелковой дивизии.

По-разному выглядит этот памятник в году: весной зеленеет, покрывается бело-розовыми цветами, летом он в сизо-красных ягодах. Любят на нем усаживаться пичуги, и оттого вокруг не смолкает пичугий щебет. Речь веду о деревце-шелковице, растущей там, у Рясного, на старых солдатских окопах.

Шла военная весна сорок второго. Под Рясным, в районе каменоломни, которую обороняли автоматчики 1137 стрелкового полка, вспыхивали жестокие схватки с гитлеровцами. Все вокруг было опалено, оплавлено огнем, разворочено воронками взрывов. Но среди перепаланных снарядами плитника пробивалась крохотная шелковица. Кустик ее был единственным зеленым пятнышком в мертвом карьере, и солдаты заботливо оберегали его, поливали в знойные дни водой, которую приносили в котелках из насквозь простреливаемой балки. У шелковицы мы хоронили павших друзей, зеленые ее ветки клали на могильные холмы. В блиндаже около нее проводили короткие партийные собрания. Когда немцы переходили в атаки, я вызывал огонь батареи Илья Демченко, стоявшей у хутора Богатырева. Тот спрашивал: «Куда стрелять?» Я отвечал: «Зеленый куст в карьере видишь? Немцы метрах в двухстах впереди...».

На таким же ориентиром куст мог быть и для противника. Предчувствуя это, я однажды распорядился его срубить. Приказал это сделать автоматчику — черкесу Хамзету Капову. Утром проверил: куст был целехонким, только обложен вокруг камнями.

— Немцы его теперь не видят, — объяснил Хамзет, — а срубить не могу. Что хотите делайте: рука не поднимается.

ВОТ ЭТУ-ТО сбереженную солдатами шелковицу, вытанувшую в дерево, и встретил я под Рясным, когда лет десять назад, впервые после войны, вновь посетил памятные места. Очерк о ней, опубликованный позднее в «Звезде», я разослал друзьям-однополчанам, приложил к нему еще фотографию деревца. После того к шелковице началось настоящее паломничество. Из Черкессии приезжал, чтобы взглянуть на свою печальную, Хамзет Ляслович Капов, тот самый ав-

томатчик, который под огнем добывал воду, чтобы полить ее корни. Побывал возле нее москвич, бывший наш командир батальона Нил Александрович Зайцев, житель Сочи, бывший командир батареи Илья Степанович Демченко, для которого она была ориентиром при стрельбе. И так уж повелось в последние годы: в день Победы или августовский день освобождения района мы, ветераны, приглашенные на празднества в Матвеев Курган, сойдя с поезда, первым делом навещаем нашу зеленую знакомую.

Являемся к ней не одни: в Рясном к нам присоединяются пионеры Комбайновской школы. Троишка вьется среди ухоженного поля. Весело щебечут ребята — спутники. Мы же с каждым шагом становимся молчаливее: перед глазами постепенно открывается тот пейзаж, который был перед нами весной и в начале лета сорок второго. Вот она,

360 м 14.8.96

З Е Л Е Н Ы Й П А М Я Т Н И К

слева, речушка Каменка, к которой ходили из окопов за водой. А вот и наша шелковица, нестройная, развесистая, выросшая на степных ветрах, на мертвой, начиненной железом почве.

В порывах ветерка трепещет ее листва, будто приветствуя нас, сверстников своего сурового военного отрочества. И сколько же щемит сердце воспоминаний навевает шум ее кроны! В памяти оживают лица сражавшихся и павших здесь друзей, думается о далекой, ушедшей военной юности, о святой дела, которому она отдана, о всем, что было на этой, горевшей тогда в огне, пяди земли. А ребята, спутники наши, на минуту оставившие нас, тормозят:

— Дяденьки, что это?

Ребята показывают подобранные вокруг дерева ржавые «рубашки» наших гранат, позеленевшие гильзы — крохотные от наших автоматов «ППШ» и побольше от немецких. («Почему они в одном месте лежат?»), протягивают еще стальные шарниры шрапнели, хвосты мин, острые и тупые пули, замеченные зоркими мальчишескими глазами в сером крошечке плитника. Их, эти пули, ребята подносят горстями.

Мы объясняем: «гранатных рубашек» тут много оттого, что враг подходил к нам близко, и мы бросали гранаты без «рубашек», чтобы не поразить осколками самих себя. А гильзы — наши и немецкие — ошмивались здесь, в карьере, у шелковицы, когда немцы прорывались и завязывалась рукопашная схватка. Вспоминаем о политруке Г. Гардемани, подбившем тут, у каменоломни, четыре немецких танка, о снайпере Капове, уничтожившем около трех десятков гитлеровцев.

Мы ведем урок мужества, на котором не надо подыскивать веских, ярких слов о стойкости, героизме тех, кто стоял на этом пятачке у шелковицы:

сама земля, начиненная военным железом, говорит о том. Потом, когда кончается наша встреча, мы собираем в пакетики и мешочки эту землю, чтобы увезти ее в Псков, Москву, Сочи, Новосибирск, Черкесск. Ребята же на прощание просят:

— Давайте сфотографируемся у деревца.

Так бывает в каждый наш приезд. Шелковица стала реликвией, достопримечательностью. Но, навещая ее, мы, ветераны, замечаем: все меньше становится окружающий ее створок с остатками наших окопов. Его теснят посевы. Механизаторы Рясного, выпаживая множество снарядов и мин, упорно наступают на пустошь. Нас, конечно же, это радует: бесплодный уголок превращается в цветущее поле. Но нынче пашня уже вплотную приблизилась к нашей зеленой святыне. Что же будет с ней через год-два?

Этот тревоживший всех моих фронтовых друзей вопрос я высказал нынче при встрече парторгу подхоза Юрию Терентьевичу Торопу.

— Не волнуйтесь, — успокоил он, — что-нибудь придумаем.

И ВОТ НЕДАВНО получил от него письмо. Юрий Терентьевич сообщает: дирекция приняла решение не распланировать несколько квадратных метров пустоши вокруг шелковицы, оставить в таком виде, как сейчас. Пионеры же отряда имени Гайдари Комбайновской школы пишут, что они взяли шефство над деревом, обещают его охранять.

Спасибо, дорогие ряснянцы! Пишу это от всех своих фронтовых друзей. Спасибо за уважение, чуткость к нашей солдатской памяти.

А. ГОЛУЗОВ,
капитан запаса,

бывший командир роты автоматчиков.

На снимке: вот оно, заветное деревце. Среди ребят в центре — А. Голузов.